

УДК 821.161.1

ИСТОРИЯ КЕЛЕЙНОГО ЧТЕНИЯ НА РУСИ И ИНДЕКСЫ ИСТИННЫХ КНИГ

© 2009 г.

И.М. Грицевская

Нижегородская государственная медицинская академия

irgri@inbox.ru

Поступила в редакцию 14.09.2009

Рассматривается специфика древнерусского монастырского чтения. Согласно традиции, монастырские библиотеки в Древней Руси включали три основных раздела: книги для богослужения, книги для соборного чтения в церкви, келейные книги. Последний раздел регулировался на Руси особыми библиографиями, называемыми в научной литературе «индексы истинных книг». В соответствии с их изменением и развитием мы можем судить об изменении и развитии келейного чтения в русских монастырях. Анализ показывает, что келейное чтение, несмотря на свою разнородность, воспринималось как сложная система, в целом составляющая Священное писание.

Ключевые слова: древнерусская литература, Соловецкий монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Волоколамский монастырь, Троице-Сергиева лавра, келейное чтение, уставное чтение, индексы истинных книг, монастырские библиотеки.

Мысль о важности изучения средневековой монастырской книжности постоянно звучит в современной исследовательской литературе. Как отметил Д.С. Лихачев, «изучение монастырской культуры позволяет проникнуть в самую суть средневековой культуры» [1, с. 5]. Монастырская книжность для Древней Руси играет совершенно особую роль, будучи важнейшим, наиболее значимым ее компонентом. Самые влиятельные древнерусские монастыри: Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Соловецкий – были также книжными и культурными центрами. Именно в них зарождались и развивались важнейшие идейные и эстетические направления, в них возникали памятники древнерусской литературы и искусства. Монастырские библиотеки были крупнейшими книжными собраниями Древней Руси, и вокруг них формировались кружки книжников и писателей. Именно поэтому процессы, происходившие в монастырской книжности, нуждаются в углубленном изучении.

Общие законы развития средневековых русских монастырских библиотек в связи с развитием собиравших их монастырей, наращиванием их богатства и культурного потенциала были сформулированы Н.К. Никольским в статье 1902 г. [2]. Ядром каждой библиотеки и первоначальным этапом ее формирования являлись книги для богослужения, следующим этапом было накопление книг, содержащих уставные

соборные чтения. Этими двумя разрядами книг и ограничивались обычные церковные библиотеки. Репертуар таких книг регулировался уставами, и основу его, помимо библейских книг, составляли переводные произведения святых отцов и иных греческих авторов.

Однако в монастырях типиконы предусматривали существование еще и третьего типа книг – келейных, читавшихся монахами вне службы. Н.К. Никольский следующим образом характеризует состав келейного круга книг: «Большая часть из них состояла из нравоучительных сборников определенного именованья или из сборников, составившихся посредством выборки статей из четьей (т.е. уставной) книжности или вообще из назидательных сочинений или справочных статей. Сюда могут быть отнесены палеи, хронографы, летописи, Измарагды, Златые цепи, Изборник 1073 г. и т.д.» [2, с. 7].

В настоящее время много сделано в области изучения сборников уставных чтений, их состава и строения. Келейная книжность последнее время также изучается очень активно, однако работ, в которых предпринимаются попытки определить этот феномен в целом, очертить его границы, этапы и закономерности развития, не проводилось. Соответственно не изучен также и переводной репертуар, составлявший основу келейного чтения. В связи с этим целью настоящей работы является исследование ряда важных аспектов формирования и развития келейного монастырского чтения, анализ общих

закономерностей его формирования в крупнейших древнерусских монастырских книжных центрах.

С одной стороны, недостаточное внимание к такому важному явлению древнерусской книжности, как монастырское келейное чтение, можно объяснить тем, что книжный материал келейного и уставного чтений часто совпадал и, решая задачи, которые ставит изучение уставного чтения, исследователи отчасти отвечали и на вопросы, связанные с келейным чтением. С другой стороны, это объясняется также и кажущейся зыбкостью проблемы, отсутствием предписаний типикона, которым должен был подчиняться репертуар келейного чтения.

Характеризуя келейное чтение с точки зрения места его в монашеской жизни, отметим, что оно было свойственно монашеству с самых его истоков. По своему существу келейное чтение было одним из видов иноческого духовного «делания», имеющим молитвенный характер [3] и требующим особых стратегий [4, с. 48–53]. Необходимо отметить, что, говоря о келейном чтении, мы не имеем в виду келейное богослужение, регламентируемое разного рода уставами, в том числе и чтение Псалтыри [5, 6].

Хорошо известно, что внеуставное чтение было распространено на Руси начиная с XI в. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас рукописи XI–XIV вв., содержание которых выходило за рамки указаний богослужебных типиконов, – начиная с Изборников 1073 и 1076 годов. Конечно, два указанных сборника создавались не для монашеского, а для княжеского чтения, хотя обширная рукописная традиция первого из них указывает на интерес к нему в самых различных кругах русского общества. По-видимому, к числу внеуставных можно отнести также известные по самым ранним русским рукописям сборники переводных толкований ветхозаветных текстов, полемические памятники, богословские трактаты, исторические сочинения. Когда данные тексты читались в монастырях, то они использовались как келейное учебное чтение. И конечно же, именно предметом келейного монашеского чтения являлись сборники, содержащие аскетические сочинения, такие, как Главы Максима Исповедника, Феодора Эдесского и Нила Синайского.

Однако представляется, что монастырское чтение как относительно жесткая система (описанная Н.К. Никольским) сформировалось лишь к концу XIV – началу XV в. Об этом свидетельствует целый ряд фактов, известных исследователям древнерусской книжности.

Так, известно, что четыре сборники, созданные до XV в., часто невозможно отнести к раз-

ряду уставных или внеуставных. Произведения, определенно относящиеся к числу чтений на службе или на трапезе, упорядоченные согласно календарю, перемежаются в них со статьями явно не календарными и не подходящими для соборного чтения. Таков, например, известный Успенский сборник кон. XII в – нач. XIII в. (ГИМ, Усп. № 4 перг.), Златоструй и Торжественник XII в. (РНБ, Ф.п.1.46).

Такого рода неопределенность в функциональной принадлежности сборников была характерна для книжности вплоть до XIV – нач. XV в. О.В. Творогов в известной статье, содержащей общую характеристику комплекса из 33 сборников XIV – нач. XV в., пишет о сборнике № 26 (РГБ, Тр., 9, рубеж XIV–XV вв.), что он «в наибольшей степени, чем другие рассматриваемые здесь сборники, отвечает нашим представлениям о структуре календарного сборника триодного цикла» [7, с. 204]. При этом исследователь отмечает множество статей, нарушающих принцип построения календарного триодного сборника. Все другие рассмотренные в названной работе сборники еще меньше подходят под сложившиеся позже, в XV в., образцы разных жанров уставной книжности. «Определенные типы сборников Уставного чтения, за редким исключением, в Древней Руси XI–XV вв. не выделяются <...> Время наиболее широкого распространения сборников уставных чтений в древнерусской письменности – конец XIV–XVI вв. В этот же период <...> происходит типовое оформление многих древнерусских сборников уставных чтений, например, таких как Торжественник, Златоуст, Рай и др.» [8, с. 237]. Таким образом, известная нам система сборников уставного чтения, включающая в себя отвечающие служебным надобностям тексты, окончательно сложилась лишь в XV в.

К концу XIV – началу XV в. относится и бурное развитие келейного чтения, связанное с усилением монашеского элемента в обществе, проникновением на Русь исихазма, основанием и распространением новых монастырей последователями Сергия Радонежского. Именно в это время, время Второго южнославянского влияния, в русской книжности появляется множество новых текстов, большинство из которых было связано по своему содержанию с нуждами монашества. Д.С. Лихачев, анализируя книжность обозначенного периода, отмечал, что веяния восточноевропейского Предвозрождения привели к индивидуализации религии (исихазм с его молчаливостью, развитие скитничества, уединенной молитвы и пр.). Это изменило также и отношение к чтению: дало толчок раз-

витию индивидуального чтения. Появилось множество келейных книг, келейных библиотек. Стали создаваться сборники для индивидуального чтения, которые отражали интересы читателей-составителей. Именно это, как считает исследователь, послужило толчком к созданию множества новых переводов, к новой волне жанров в славянских литературах [9].

Названные процессы были отражены в таких важнейших для понимания развития русской книжности памятниках, как индексы истинных книг – своеобразные древнерусские библиографии. Наиболее ранние из их списков датируются концом XIV, наиболее поздние – первой половиной XVII века. Именно в эту эпоху индексы истинных книг нашли широчайшее распространение (сейчас известно 197 списков обозначенного периода, относимых к различным редакциям) [10]. Развитие этих древних библиографий тесно связано с изменениями в репертуаре монашеского чтения, обусловленного явлениями Второго южнославянского влияния. Исследования, посвященные индексам истинных книг, подводят к мысли о том, что они создавались с непосредственной целью отрегулировать и нормализовать именно круг келейного монашеского чтения.

На протяжении периода бытования индексов возникло множество редакций, видов и разновидностей этих памятников. Это, несомненно, свидетельствует о том, что индексы являлись «живыми» и активно возобновляемыми и обновляемыми каталогами, корректируемыми в ходе развития книжного материала. Поэтому установление связи между индексами и кругом келейного чтения поможет уточнить не только роль индекса в древнерусской культуре, но также и репертуар и место в структуре русской книжности самого келейного чтения, этапы и пути его развития.

В двух ранних рукописях из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, принадлежавших самому Кириллу Белозерскому [11, 12], появляются первые два списка индекса истинных и ложных книг, относящиеся к разным Кратким редакциям этого памятника. Дальнейшая история индексов в этом монастыре также представляет интерес. Списки данного памятника появляются в рукописях, связанных с именами самых известных книжников Кирилло-Белозерского монастыря: Ефросина, Гурия Тушина, Нила Сорского, возможно, Паисия Ярославова. Очевидно, что индекс осмыслялся лучшими умами монастыря, которые вновь и вновь возвращались к нему и, раз так, наверняка считали его весьма значимым текстом.

Важно отметить, что в рукописях из Кирилло-Белозерского монастыря имеются лишь Краткие редакции этого памятника, однако во множестве вариантов. Практически в Кирилло-Белозерском собрании имелись почти все возможные вариации текста, возникшие при создании индекса истинных книг, настоящая «творческая кухня». Ни в одном другом монастырском средневековом собрании подобная картина не наблюдается. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Краткие редакции индексов были созданы именно в этом монастыре.

При этом несомненно, что индекс не может быть просто рекомендательной библиографией в современном смысле слова, передающей субъективный интерес составителя и ненормализованные потребности читателя: хочешь – читай, не хочешь – не читай. Монастырской культуре вообще чуждо подобного рода самоволие, она построена на жесткой дисциплине и подчинении авторитету. Характерно начало индексов: они открываются цитацией правил Вселенских и Поместных соборов, в которых нашли место нормы, регламентирующие чтение Священного Писания. И по форме своей, и по сути индексы истинных и ложных книг не что иное, как правила, примыкающие к дисциплинарному уставу. Эти правила не могут регламентировать уставные чтения, которые уже регламентированы значительно более высоким в иерархическом отношении документом – служебным уставом. Они могут представлять собой только кодификацию келейного чтения.

Однако содержание Кратких редакций индекса на первый взгляд весьма парадоксально для Кирилло-Белозерского монастыря, который справедливо считается одним из крупнейших на Руси проводников Второго южнославянского влияния.

Изучение истории текстов индексов приводит к выводу, что две Краткие редакции индекса отличаются от более поздних и полных редакций именно тем, что здесь нет почти никаких указаний на книги, пришедшие на Русь в результате Второго южнославянского влияния. Круг чтения, очерченный в Кратких редакциях, весьма архаичен для книжности начала XV в.

В репертуар Кратких редакций входит от 40 до 52 названий и имен авторов, 40 из них мы относим к архетипическим для обеих редакций чтениям. Из этих последних 32 имени и названия были хорошо известны и широко распространены в русской книжности до середины XIV в. Переводы большинства памятников, упомянутых в индексе, были выполнены в Кирилло-Мефодиевскую эпоху и эпоху Первого

болгарского царства. Перечислим приведенные в индексах памятники, поименованные в них как через название, так и через указание на имя автора: Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Василий Великий, Иоанн Лествичник, Григорий Богослов, Кирилл Александрийский, Ефрем Сирин, Анастасий Синаит, Антиох, Максим, Нил, Феодор Эдесский, Афанасий Александрийский, Мефодий Патарский, Криница (Хроника Григория Амартола), Стослов Геннадия Константинопольского, Патерики. Определение конкретных памятников древнерусской письменности на основе их упоминания в индексе, а также краткий обзор истории этих памятников в книжности Древней Руси даны в монографии И.М. Грицевской [10, с. 38–52]. Появление упомянутых памятников в Киевской Руси относится к раннему периоду существования русской книжности. В индексе перечислены не только южнославянские переводы: здесь имеются также указания на ранние древнерусские переводы («Повесть о Варламе и Иоасафе», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия «Маттафиина», «Житие Василия Нового», «Пчела»). Лишь один памятник, указание на который входило в архетип Кратких редакций, не был известен русским книжникам до последней четверти XIV в. Это корпус сочинений Дионисия Ареопагита.

Отметим, что индексы при этом не отражают реальные процессы, происходящие в книжности Кирилло-Белозерского монастыря в период Второго южнославянского влияния. Здесь нет имен аввы Дорофея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и нет никаких указаний на труды этих аскетов, столь характерные для монашеского чтения XV–XVI вв. [13, 14].

Отметим, что аналогичная коллизия между индексом и реальным кругом чтения возникла и в Троице-Сергиевом монастыре, в библиотеке которого сохранились 6 списков индекса, принадлежавших только Кратким редакциям, с их архаичным репертуаром.

На наш взгляд, объяснение данной ситуации таково. Несомненно, что древняя книжность, пришедшая из Киевской Руси, продолжала в XV–XVII вв. свое бытование в монашеских келиях. Тексты древних оригинальных памятников и переводов переписывались, читались и почитались наряду с новой литературой, пришедшей вместе с новыми богословскими учениями. Однако за века своего бытования «старая» книжность сложилась в представлении русских книжников в единую систему келейного чтения, включающую ряд ценных и важных

текстов, которые читались монахами на протяжении многих поколений и обрели особый авторитет: известно, что в средневековой культуре традиционность, «старина» явления была важным аргументом в пользу его значимости и важности.

В монастырские библиотеки этого времени хлынуло множество новых произведений, новых книг, что являлось серьезной угрозой для целостности старой, устоявшейся системы текстов. Перечень текстов, внесенный в индекс, призван был сохранить архаичную, но авторитетную систему чтения, сложившуюся еще в Киевской Руси.

К середине XV в. возникают две новые, более полные редакции индекса, пользующиеся на протяжении XVI в. и первой половины XVII в. очень значительной популярностью (мы называем их «Переходная» и «Расширенная») [10]. Несомненно, возникновение их связано с осознанием неполноты индекса Кратких редакций и необходимостью закрепления в келейном чтении новых, уже ставших традиционными для монашеского чтения книг.

Если ранние и наиболее значимые списки Кратких редакций связаны в своем происхождении и бытовании с Кирилло-Белозерским монастырем, то ранние списки распространенных редакций связаны с Иосифо-Волоколамским монастырем.

В составе волоколамской библиотеки имелось лишь 6 списков памятника, входивших в сборники XV–XVI вв., ключевые для изучения культуры своего времени. Практически все они занимают исключительное положение в развитии идеологических процессов, столь значимых для первой части XVI в.: борьбы иосифлян с нестяжателями, развития теории «Москва – Третий Рим» (РГБ, Волоколамское собр., №№ 13, 583, 497, 566, 530) [15, 16]. Книжники, составлявшие сборники, видели в индексах важную часть этих идеологических процессов, нечто весьма значимое в формировании русской мысли этого периода.

В младших редакциях индекса находят свое отражение основные памятники Второго южнославянского влияния.

Так, в репертуаре Переходной редакции не только расширен круг имен отцов и названий памятников, хорошо известных русской книжности с древности (Григорий папа Римский, Кирилл Иерусалимский, Афанасий Александрийский, житие Григория Акраганского), но также появляется впервые перечисление наиболее важных памятников, пришедших на Русь в процессе Второго южнославянского влияния:

Исаак Сирин, Дорофей, Никонский Устав («Тактикон» Никона Черногорца), Лавсаик, Зерцало («Диоптра» Филиппа Монотропа) [10, с. 65–69]. Таким образом, Переходная редакция является первоначальной попыткой увеличить репертуар келейного чтения.

Новое, более значительное наращение репертуара произошло в Расширенной редакции. Сюда, помимо уже известных по Переходной редакции, включено множество книг, как бывших известными с древности, так и появившихся в русской книжности относительно недавно. Перечислим последние: Другой новый Златоуст («Маргарит»), Другой Василий Кесарийский («Постничество»), Петр Дамаскин, Послание Иоанна Дамаскина Косме («Диалектика»), Григорий Синаит, Григорий Двоеслов («Диалоги»), Петр Русский, Златая Матица, Епифаний Кипрский, Иаков Жидовин. В основном данные книги появились в русской книжности в конце XIV – нач. XV вв., то есть их появление относится как раз к периоду Второго южнославянского влияния [10, с. 69–74].

Как видно, индекс и в обновленном виде продолжает отставать от реальной книжной традиции. Фактически развитие келейного чтения идет значительно быстрее развития индекса. Так, например, в ряде названных волоколамских сборников, содержащих индекс Расширенной редакции, Н.В. Сеницына выделила актуальную подборку текстов, посвященных теории «Москва – Третий Рим» [15]. Ни одно из этих произведений не вошло в библиографию. Парадоксально, но индекс, регулярно встречающийся в сборниках, включающих самые актуальные для своего времени и идейно важные произведения, никак реально не отражает эту проблематику.

Объяснить это можно только одним путем. Индекс лишь фиксирует некие значимые и устойчивые сдвиги, ставшие уже традиционными и поэтому вошедшие в основную, наиболее значимый репертуар келейного чтения. Реальный круг чтения монастырской интеллектуальной элиты значительно шире. Возможно, «продвинутое» чтение, выходящее за границы индекса, в плане монастырского устава и самой сути монашеского делания оценивалось ниже или, во всяком случае, не являлось «молитвенным» деянием. Таким образом, индекс очерчивает своеобразное расширенное представление о Священном Писании, по которому произведения святых отцов расценивались как продолжение библейской традиции.

В свете этого становится ясным, почему из всех новопереведенных книг в индекс Краткой

редакции было включено только упоминание о Дионисии Ареопагите. Дионисий – ученик апостола, и труды, приписываемые ему, по авторитетности вплотную примыкали к библейским текстам.

Осознание связи старших Кратких редакций индекса с книжной традицией Кириллова монастыря, а младших Распространенных редакций – с традицией Волоколамского монастыря очень важно для изучаемой темы. Это свидетельствует о разнообразии келейного чтения, связанном с различиями в традициях разных книжных центров.

О связи развития и бытования индексов с характером келейного чтения в различных книжных центрах свидетельствует и анализ списков памятника в таком крупнейшем книжном центре, как Соловецкий монастырь.

Соловецкий монастырь начал формироваться позже других монастырских центров. Поэтому он обладал целым рядом особенностей, определявших его роль в русской культуре и, что особенно для нас важно, в русской книжности. В библиотеке Соловецкого монастыря мы находим очень большое разнообразие редакций индексов истинных книг: нами обнаружено 14 списков XV–XVIII вв., содержащих 8 разных редакций. Притом два наиболее ранних входили в состав рукописей основателя монастырской библиотеки строителя Досифея.

Анализ истории индексов в Соловецком монастыре [17] свидетельствует о качественно ином отношении как к данному памятнику, так и вообще к репертуару келейного чтения. Особенности подбора Соловецкой библиотеки уже отмечались в статье Н.А. Кобяк [18], где сделан вывод, что индекс ложных книг для этого книгохранилища не выполнял своей запретительной функции, но, напротив, «служил своеобразным руководством для чтения». Очевидно, что ко времени создания монастырской библиотеки на Соловках древний жесткий круг келейного чтения разрушался. Новые книги, пришедшие на Русь на грани XIV – XV вв., прочно вошли в монашеский обиход. Функции чтения в монастыре расширились. Судя по всему, это уже не только молитвенное делание: за чтение все больше брались из любознательности, богословского и философского интереса.

Отметим справедливость выводов, сделанных историками средневекового западноевропейского чтения, также и для процессов, происходящих в русской культуре. Перечисляя различные произведения, входившие в круг чтения западных средневековых книжников, Э. Грифтон, согласно с мнением ряда других исследо-

вателей, пишет: «Хотя то были книги разного происхождения и содержания, средневековые читатели считали, что они составляют единую систему <...> Много десятилетий они сооружали «сложный готический ансамбль из стен и контрфорсов» <...> который в целом смог придать средневековый облик самым разношерстным древним текстам» [19].

Очевидно, подход древнерусских читателей к текстам был таков же, как и подход западно-европейских средневековых книжников. Тексты в их представлении входили в сложные системы различных уровней, которые были функционально обусловлены и жестко привязаны к специфике четких практик. Их состав диктовался сложившимися в течение столетий традициями, а также уставами монастырей. С XV в. репертуар келейного чтения был кодифицирован в индексах истинных книг, развивавшихся и менявшихся в соответствии с изменениями в системе реального монастырского чтения (хотя и со значительным опозданием). Конечно, во все времена существовало и ученое монашеское чтение, далеко выходящее за рамки описанной системы, о чем свидетельствуют состав древнерусских монастырских библиотек и дошедшие до нас сборники древнерусских текстов, бытовавших в монастырях. Однако, как представляется, они были предметом чтения интеллектуальной элиты, а для большинства грамотной братии актуальным было регламентированное индексами келейное чтение, иерархически наиболее значимое из всех имевшихся текстов и практически приравнивавшееся к Священному Писанию.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Вступительное слово, произнесенное на открытии конференции «Монастырская культура: Восток и Запад» 2 июня 1998 года // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 5–17.
2. Никольский Н.К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. [СПб.]: О[-во] л[юбителей] д[ревней письменности], 1902. 32 с. (Памятники древ. письменности и искусства. Т. 147).
3. Романчук Р. «Lectio divina»: монашеское чтение на Востоке и на Западе // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1989. С. 36–46.
4. Лурье В.М. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб.: Алетей, 2000. 250 с.
5. Лурье В.М. Славянское «Сказание о Псалтири» и его историко-литургическое значение // Byzantinoslavica. 1996. Т. 57. С. 140–155.
6. Лурье В.М. Из истории чинопоследований псалмопения: полная Псалтирь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV–VII вв.) // Византийский временник. 1995. Т. 56. С. 228–237; 1999. Т. 58. С. 76–83.
7. Творогов О.В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв.: Статья первая // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 197–214.
8. Черторицкая Т.В. Уставные чтения // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1985. Т. 39. С. 236–238.
9. Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 86–87.
10. Грицевская И.М. Индексы истинных книг. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. 253 с.
11. Прохоров Г.М., Розов Н.Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1982. Т. 36. С. 353–378.
12. Прохоров Г.М. Книги Кирилла Белозерского // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1982. Т. 36. С. 50–70.
13. Прохоров Г.М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевской Лавры с XIV по XVII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1974. Т. 28. С. 217–324.
14. Прохоров Г.М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII вв. // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 44–58.
15. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
16. Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик, 2002. 415 с.
17. Грицевская И.М. Индексы истинных книг в библиотеке Соловецкого монастыря // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 353–356.
18. Кобяк Н.А. Индекс ложных книг и древнерусский читатель // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск: Наука, 1987. С. 352–363.
19. Грифтон Э. Гуманист за чтением // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М.: ФАИР, 2008. С. 228.

HISTORY OF CLOISTER READING IN RUSSIA AND TRUE BOOKS INDICES

I.M. Gritzevskaya

The paper is focused on specific features of Old-Russian monastic reading. Following the tradition, monastery libraries included three main parts: service books, cathedral reading books, cloister books. Cloister books were regulated with specific bibliographies known in academic literature as «true books indices». According to their changes, it is possible to follow the development of cloister reading in Russian monasteries. The performed analysis shows that cloister reading, despite its diversity, was regarded as a complex system, upon the whole accepted as Holy Scripture.

Keywords: Old Russian literature, monastery book learning, Solovetsky monastery, the Cyril Belozersky monastery, Volokolamsky monastery, St.Sergius Trinity monastery, cloister reading, claustral rule reading, true books indices, monastery libraries.